В. А. Захаров
В. А. Иванов

ГЮЛИСТАНСКИЙ ДОГОВОР 12 (24) октября 1813 г.

Из истории очередного этапа российской политики в Закавказье

Владимир Захаров

Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г

«Пробел-2000»

2014

Захаров В. А.

Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г / В. А. Захаров — «Пробел-2000», 2014

В 2013 году исполнилось 200 лет с момента заключения Гюлистанского мирного договора. Подписанный в Северном Арцахе, в самом сердце владений армянских Мелик-Бегларянов документ, ознаменовал собой как определенный этап в поступательном движении российской политики в регионе, так и немаловажные территориальные приобретения. Вместе с тем, нередко и вполне обоснованно, указывалось на то, что он, по-сути, стал залогом не окончательного мира, а явился лишь длительным перемирием.Однако, несмотря на свою «промежуточность» (ибо окончательными явились положения заключенного 10 (22) февраля 1828 г. Туркманчайского русско-персидского договора) этот трактат, положивший конец длительному русско-персидскому противостоянию 1804–1813 гг., и перемежавшийся с участием России в данный период в III (1805 г.), IV (1806–1807 гг.), VI (1812–1814 гг.) антифранцузских коалициях, русско-турецкой (1806–1812 гг.), русско-шведской (1808–1809 гг.), русско-английской (1807–1812 гг.) войнах, а также с Отечественной войной (1812 г.), Заграничными походами русской армии (1813–1814 гг.), является важным событием, ибо заложил определенный фундамент для дальнейшего укрепления российских позиций в регионе.

© Захаров В. А., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

Введение 5
Глава I 8
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Владимир Захаров, Владимир Иванов Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г. Из истории очередного этапа российской политики в Закавказье

Введение

В 2013 году исполнилось 200 лет с момента заключения Гюлистанского мирного договора. Подписанный в Северном Арцахе, в самом сердце владений армянских Мелик-Бегларянов документ, ознаменовал собой как определенный этап в поступательном движении российской политики в регионе, так и немаловажные территориальные приобретения. Вместе с тем, нередко и вполне обоснованно, указывалось на то, что он, по-сути, стал залогом не окончательного мира, а явился лишь длительным перемирием. Так, например, В. Дилоян отмечает «Война не обеспечила ни одной из сторон [окончательной] реализации [собственных] военно-политических программ. Поэтому, хотя и Гюлистанское соглашение и было охарактеризовано в качестве «вечного» – оно не могло удовлетворить ни одну из сторон. Персия, которая стала политическим оружием и фактической жертвой в руках английской и французской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке, не могла смириться с потерей своих прежних владений в Закавказье. Что касается России, то девятилетняя война ей [также] не принесла полного успеха, так как военно-политическая программа, нацеленная на расширение границ до Аракса и Куры осталась нереализованной…«Вечный» мир фактически явился длительным перемирием, чреватым новой войной»[1].

Однако, несмотря на свою «промежуточность» (ибо окончательными явились положения заключенного 10 (22) февраля 1828 г. Туркманчайского русско-персидского договора) этот трактат, положивший конец длительному русско-персидскому противостоянию 1804–1813 гг., и перемежавшийся с участием России в данный период в III (1805 г.), IV (1806–1807 гг.), VI (1812–1814 гг.) антифранцузских коалициях, русско-турецкой (1806–1812 гг.), русско-шведской (1808–1809 гг.), русско-английской (1807–1812 гг.) войнах, а также с Отечественной войной (1812 г.), Заграничными походами русской армии (1813–1814 гг.), является важным событием, ибо заложил определенный фундамент для дальнейшего укрепления российских позиций в регионе. Сложная, зачастую противоречивая канва событий на Европейском театре иногда напрямую, а чаще – опосредованно, накладывала свой отпечаток на ситуацию в Закавказье в частности, и на деятельность дипломатов и военных великих держав (в том числе и России) на Среднем Востоке в целом. И российской дипломатии и военным, практически изначально, пришлось иметь дело не с одним лишь Ираном. Следовало учитывать дипломатическую и военную активность Турции, а также парировать действия французской, а в дальнейшем – в еще большей мере – английской дипломатии (несмотря на время от времени теплевшие или обострявшиеся взаимоотношения), стремившихся не допустить увеличения влияния России на восточном направлении. Как бы ни складывались дела на Западе, на Востоке в данный период времени имела место «война всех против всех». Так, например, заключение Тильзитского договора 25 июня (7 июля) 1807 г. с Наполеоном, хотя в определенной мере и ударило по французским позициям в самом Иране, однако не снизило интереса французской дипломатии на Среднем Востоке и Закавказье. Тоже самое, можно сказать и про Эребруйский мир

[1] *Дилоян В.* Восточная Армения в первой трети XIX века и армяно-русские отношения. Ер., 1989, С. 189 (на арм. яз.).

(6) 18 июля 1812 г. с англичанами, завершивший вялое военное противостояние (вылилось в целом, в несколько мелких стычек) между Россией и Англией в 1807–1812 гг., но отнюдь не приведший к сворачиванию английской военно-дипломатической активности на Востоке. Сам же Гюлистанский договор заключался в обстановке ожидания одного из крупнейших боевых столкновений того времени – «битвы народов» под Лейпцигом, и никто не мог заранее предугадать, чем она завершится. Новым ли поражением союзников по VI антифранцузской коалиции, или же разгромом Наполеона. А в зависимости от этого (хотя, не только одного этого фактора) могла измениться и обстановка на закавказском театре. И потому, Гюлистанский договор был, хоть и не вполне полной, но все таки – победой. Не раз было сказано, что история не любит сослагательного наклонения. Но не было бы Гюлистана, то, быть может, не было бы и Туркманчая. И неизвестно, как бы изменилась политическая карта и этнодемографическая мозаика региона.

Конечно, тема не является новой, и целый ряд аспектов, связанных с русско-персидской войной 1804–1813 гг. и Гюлистанским договором уже давно стал предметом рассмотрения в трудах многих известных авторов, таких, как, например, Н.Дубровин и В.Потто[2]. Работы последних, несмотря на известную долю апологетичности, тем не менее, содержат богатейший фактологический материал и актуальны и по сей день. В советское время, к тем или иным аспектам, имеющим непосредственное или же частичное отношение к данному периоду обращались такие авторы как О. Маркова, А. R Иоаннисян, А. Фадеев, М. Игамбердыев, Н. Киняпина, М. Блиев, В. Дегоев, Н. Кузнецова, Б. Балаян, уже отмеченный выше В. Дилоян[3] и многие иные. Не снижается интерес к данной тематике и сегодня, свидетельством чему является, например, серия интересных публикаций С. Тарасова[4]. Как отмечается в одном из недавних исследований на эту тему «Этот договор интересен для современного изучения тем, что между 1813 и 2013 годами существует немало условных исторических параллелей. Вот некоторые из них

• Несмотря на длительное нахождение ряда теперь независимых государств этого региона в составе СССР (фактически в составе слегка видоизмененной Российской Империи), и в 19 веке и сегодня страны Закавказья используются ведущими внешнеполитическими игроками для угроз безопасности России в направлении Ближнего Востока;

• Формальной причиной участия русской армии в боевых действиях в Закавказье в 1804–1813 годах и в 2008 году стала Грузия;

• И в начале 19 века и в начале 21 века баланс военной силы в этом регионе, в принципе, остался неизменным Иран и Турция обладают крупнейшими армиями в этом регионе, обладающими примерно одинаковым военным потенциалом. Россия имеет неоспоримое качественное и количественное превосходство над ними в военной сфере;

• И в 1813 и в 2008 году Россия не смогла в полной мере воспользоваться победой русского оружия и реализовать свои стратегические интересы в Закавказье. Как тогда Российская империя, так и современная Россия понимает важность Кавказа как военно-стратегического

---

[2] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. ТТ. I–VIII, СПб, 1871–1888; *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5-ти ТТ. СПб., 1887–1889; *его же* Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик-Вани и Акоп-Юзбаши Атабековы). Тифлис, 1902.

[3] *Маркова О.* Восстание в Кахетии. М., 1951; *Иоаннисян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., 1958; *Фадеев А.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М, 1960; *Игамбердыев М.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961; *Киняпина И., Блиев М., Дегоев В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М, 1984; *Кузнецова И.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983; *Балаян Б.* Дипломатичеекая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ер., 1988.

[4] *Тарасов С.* Россия, Персия и Карабах открытия Гюлистанского договора 1813 года. URL http//www.iarex.ru/articles/40304.html; *его же* Как генерал Ермолов бился за Карабах URL http// www.iarex.ru/articles/40304.html и др.

плацдарма для проведения своей восточной политики. Расширение и упрочение владений на Кавказе давало возможность установления стабильных границ, приобретения новых рынков сбыта и получения источников сырья. В правительственных кругах Российской империи и современной России осознавали и осознают экономическую значимость Кавказа, учитывая, что здесь пролегают пути из Европы на Средний и Ближний Восток»[5].

С этим доводами трудно не согласиться. Приводимые аналогии вполне объясняют исследовательский интерес к данной теме. Геополитическое значение указанных регионов со временем отнюдь не снизилось. Поэтому, появление все новых исследований на обозначенную тематику (даже ретроспективного характера), имеет, по сути, прикладное значение, ибо позволяет более четко представлять себе как значение того или иного региона в прошлом, так и интересы региональных и внерегиональных игроков в настоящем. Что с того, что например, нефтегазовые или иные корпорации некоторых известных государств сменили Ост-Индскую компанию? Суть их геополитических задач от этого не особо изменилась.

В предлагаемой же читателям, носящей научно-популярных характер работе, также сделана попытка более детального представления ряда моментов, связанных с событиями того времени. Дипломатические аспекты по ходу изложения зачастую будут перемежаться с военными, и наоборот, что обусловлено спецификой темы и стремлением более детально представить всю сложность тогдашней обстановки. Победы давались (как на военном, так и на дипломатическом поприще) тогда также отнюдь не просто.

Авторы заранее выражают благодарность за конструктивную критику.

[5] Современное значение Гюлистанского мирного договора. М., 2013. С. 4.

Глава I
Начало русско-персидской войны от первого Эриванского похода до гибели Цицианова[6]

Поступательная политика России в Закавказье, деятельно продолженная в первой трети XIX в., ознаменовалась конфронтацией в военно-политической сфере с иными региональными акторами и, в частности, с Ираном и Турцией. Как отмечает Б. Балаян «Первая русско-иранская война была продолжением затянувшегося конфликта, вызванного в конце XVIII века двумя вторжениями в Закавказье войск Ага-Мохаммед хана (в 1795 и 1797 гг.), а в начале XIX века – стремлением Фатх-Али шаха, и посредством войны с Россией при содействии держав восстановить иранское господство в Закавказье. Реваншистские планы Каджаров в отношении Закавказья осуществлялись в сложной международной обстановке, вызванной борьбой Англии и Франции за господство в Европе и на Востоке и продвижением царских войск к бассейнам Каспийского и Черного морей»[7].

Не углубляясь здесь в подробное изложение предыстории русско-персидской войны, нюансах российской внешней политики в Грузии в частности и в Закавказье в целом в XVIII – начале XIX вв., также как о внешних факторах[8], отметим лишь, что вспыхнувшая после убийства Ага-Мохаммед-хана новая смута, определенное время не давала Ирану возможности вновь вплотную заняться Закавказьем, которое представляло тогда пеструю картину фактически независимых, или полунезависмых от шахов владений. Для восстановления своего влияния Каджарам требовалось некоторое время. Со своей стороны, правители данных владений представляли проблему не только для Ирана, но и для российского командования своими неуправляемыми действиями.

---

[6] В силу перемежающихся аспектов, мы, следуя отчасти примеру А. Берже, а также В. Потто и Н. Аносова (см. например Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II, Тифлис, 1902) условно разграничили основные этапы русско-персидского противостояния по годам управления 5 главнокомандующих. Таким образом, первая глава охватывает период деятельности Цицианова, вторая (в силу частой смены главнокомандующих) – сразу Гудовича, Паулуччи и Тормасова, третья – Ртищева. В следующих двух рассматривается роль Англии и Франции в возникновении и затягивании русско-персидской войны. Заключительная посвящена переговорам в Гюлистане.

[7] *Балаян Б.* Дипломатичеекая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ер., 1988, С. 26. Борьба российской дипломатии с английской и французской более подробно представлена в главах IV, V, VI.

[8] О присоединении Грузии, см. например *Дубровин Н.* Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1897; *Авалов З.* Присоединение Грузии к России. М, 2011; *Берд-зенишвили Н., Джавахишвили И., Джанаишa С.* История Грузии. Ч. 1, Изд. 2-е, Тбилиси, 1950; о нюансах российской внешней политики в предыдущий период, см. например *Бушков П.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1–3, СПб., 1869; *Маркова О.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; *Кинянина Н., Блиев М., Дегоев В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII- 80-е годы XIX в. М., 1984.

Аага-Мохаммед-хан

Необходимость обороны присоединенного Картли-Кахетинского царства (Георгиевским трактатом 24 июля 1783 г., подтвержденным манифестами императоров Павла I от 18 января 1801 г. и Александра I от 12 сентября 1801 г.), также как устройства гражданской части, соображения геополитического и геоэкономического характера, требовавшие решительных мер, не позволяли российской стороне почивать на лаврах. Управление вверенным им краем К.Ф. Кнорингом и П.С. Коваленским, в итоге, было признано в Санкт-Петербурге, как неудовлетворительное, и не соответствовавшее требованиям складывающейся обстановки. В итоге, тяжелое бремя по решению всех этих задач было возложено на князя П. Д. Цицианова (1754–1806 гг.), назначенного рескриптом императора Александра I в сентябре 1802 г. инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузии.

В. Потто, говоря о жизненном пути Цицианова отмечал следующее «Князь Павел Дмитриевич Цицианов происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим домом Грузии. В русскую службу вступил еще дед его в царствование Анны Иоанновны; он был убит во время шведской войны под Вильманстрандом, и с тех пор семейство князей Цициановых осталось в России навсегда. Князь Павел Дмитриевич родился восьмого сентября 1754 года в Москве. Он начал военную службу в Преображенском полку, но вскоре переведен был в армию и в 1786 году, вместе с производством в полковники, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка. Дело под Хотиным (тридцать первого июля 1788 года), где он сражался со своим полком на глазах Румянцева, сразу выдвинуло князя из ряда сослуживцев. Кагульский герой с восторгом смотрел на быстроту, энергию и распорядительность юного полкового командира и тут же, на самом месте боя, предрек ему блестящую военную карьеру. Но турецкая война не дала Цицианову возможности развернуть в полной мере свои боевые достоинства; полк его вскоре был передвинут в Польшу. Но, тем не менее, он был уже замечен, ив 1793 году, в день торжества заключения мира, произведен в генерал-майоры. Армия знала Цицианова, впрочем, не по одним военным заслугам; его любили за тонкий, наблюдательный ум и за острый язык, которого побаивались даже сильные мира. В армии ходила в то время по рукам и читалась тайком его известная сатира «Беседа русских солдат в царстве мертвых», где в разговоре убитых солдат Двужильного и Статного изложена была едкая критика на современные военные события и на Потемкина. Памятный для русских 1794 год застал Цицианова в Гродно, где, по его выражению, «он стоял с полком, как на ножах», потому что в крае с минуты на минуту ожидали восстания. Кровавая резня, известная под именем Варшавской заутрени, нашла себе отголосок

в Вильно и в Гродно. В первом из этих городов войска были застигнуты врасплох и понесли немало утрат, но в Гродно мятеж совершенно не удался. Цицианов, не веривший льстивым польским речам, зорко следил за настроением умов, не допускал наплыва в город праздного люда и держал свой полк постоянно наготове. При первом взрыве мятежа он вывел свои батальоны из Гродно, обложил ими город и под угрозой штурма заставил магистрат выдать главных зачинщиков. На жителей он наложил контрибуцию в сто тысяч рублей, назначив для ее сбора однодневный срок; и страшные жерла орудий, наведенные на улицы, вид батальонов, готовых по первому знаку не оставить камня на камне, заставили поспешить с исполнением требований грозного князя.

Цицианое П.Д.

Слух об этом, облетев окрестности, много способствовал тому, что спокойствие и порядок были сохранены в соседних городах и местечках. Между тем полк получил приказание выступить к Вильно. Цицианов по пути выгнал из Слонима мятежные банды князя Сапеги, затем командовал всеми войсками, которые штурмовали Вильно, а в августе с одним батальоном быстро перешел в Минскую губернию и у местечка Любавы наголову разбил отряд Грабовского, взяв его самого в плен вместе со всей артиллерией. Подвиги Цицианова так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов»… Ордена св. Владимира 3-ей степени за Гродно, Георгия на шею за Вильно, золотая шпага с надписью «За храбрость» за поражение Грабовского и полторы тысячи десятин земли за окончание войны были наградами князя Цицианова»[9].

В этой, не лишенной апологетической нагрузки характеристике князя, историком тем не менее было выделено вслед за Суворовым одно важнейшее, среди многих иных, качество князя – решительность. Помимо этого, Цицианов не понаслышке знал реалии региона. Так, В. Потто, продолжая биографию князя отмечал «Назначенный императрицей в корпус графа Валериана Александровича Зубова, Цицианов участвовал в персидском походе и некоторое время был комендантом в городе Баку, где сблизился с Гуссейн-Кули-ханом, сделавшимся впослед-

[9] *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Вып. 3, СПб., 1887, С. 315–317.

ствии его гнусным убийцей. Короткий период царствования Павла Петровича, подобно большей части лиц, отличенных Екатериной, Цицианов провел в отставке. Император Александр снова призвал его на службу, произвел в генерал-лейтенанты и одиннадцатого сентября 1802 года назначил инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузию. Истомленная борьбой Грузия требовала энергичного, твердого правителя, и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной перемены внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно царству и мешало его жизни и правильному развитию. При Цицианове уже не враги разоряют Грузию, а сама Грузия берет в свои руки судьбу окружающих ее народов»[10].

Работая над улучшением гражданской части управления, параллельно, Цицианов активно пытался решать и военно-политические задачи. С целью пресечения набегов Джаро-Белоканских лезгин на Грузию, князем была развернута против них решительная борьба. Уже в начале 1803 г., (с 27 марта по 12 апреля) русскими войсками были осуществлены операции против Джаро-Белоканских вольных обществ собственно Джар-Белокана, Катеха, Тальского, Мухахского и Дженихского. На берегу р. Алазани был постороен Александрийский редут. Князем также велись активные переговоры о подданстве окрестных владелетей. В результате, в 1804 г. Мингрелия и Имеретия (правда смуты в последней, подстрекаемой царем Соломоном продолжались еще несколько лет), официально стали считаться в подданстве Российской Империи. Велись переговоры и с Эриванским ханом и иными владетелями. Очередной крупной военно-политической акцией князя явилось занятие Гянджи (январь 1804 г.), хан которой занимал резко отрицательное отношение к российской политике и отличился в организации целого ряда набегов на подконтрольную российской власти территорию. Укрепления были взяты решительным штурмом, после категорического отказа сдаваться. Хан был убит в бою, а сам город получил новое название – Елизаветполь.

Между тем, назревало решительное боевое столкновение с Ираном. Как уже было отмечено, вновь вспыхнувшая после убийства Ага-Мохаммед-хана внутренняя борьба за власть несколько отвлекла внимание Каджаров от Закавказья. Племянник Ага-Мохаммед-хана Фатх-Али-шах (Баба-хан) еще к середине 1801 г. продолжал бороться с некоторыми конкурентами. Так, в рапорте консула Скибиневского генерал-лейтенанту Кнорррингу от 21 августа 1801 г. отмечалось «Сейчас получил я верное известие, что Баба-хан неудачное имел сражение в недальнем расстоянии от Тегерана с братом своим Хусейн-ханом, и будучи разбит, ушел в город сей; а брат удалился в Испагань для собрания большего числа войск. Безо всякого успеха и из Хорасана возвращается войско Баба-ханово, под начальством Сулейман-хана»[11].

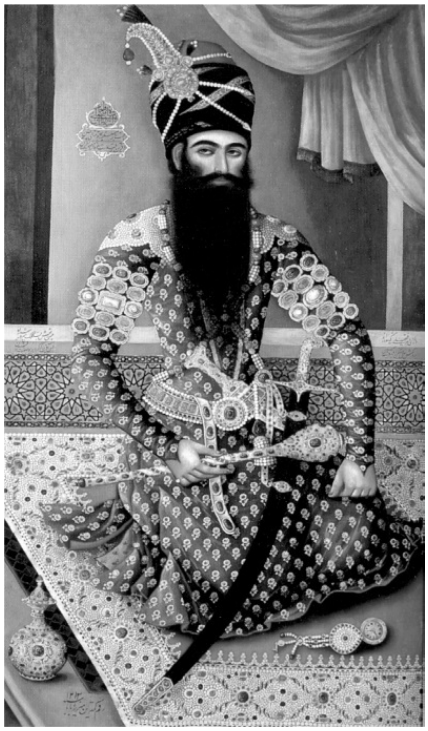
Но, постепенно, Фатх-Али-шаху удается взять перевес над своими противниками. Каджары начинают готовится к реваншу. Уже к концу 1801 г. донесения русскому командованию начинают принимать более тревожный характер. Так, в рапорте генерал-майора Лазарева от 5 декабря 1801 г. генерал-лейтенанту Кнорррингу отмечалось «Сего числа пришел ко мне здещний мокалак Исай Николаев, имеющий торг в Тавризе и представил мне письмо, им полученное от его прикащика там находящегося, по которому видно, что баба-хан делает приготовление к выступлению в поход на Грузию после обыкновенного их праздника ноуруза – что по нашему приходит около 10 марта»[12]. Опасения на тот момент оказались необоснованными. Однако упорные слухи о готовящемся персидском наступлении продолжали циркулировать и позже. Русская сторона тщательно взвешивала поступавшие к ней из многочисленных источников данные. В результате, уже в рапорте Скибиневского Кнорррингу от 7 мая 1802 г. не под-

[10] Там же. С. 317.

[11] Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. II.С. 684.

[12] Там же.

тверждались сведения о концентрации персидских войск для похода. Вместе с тем отмечалось, что таковое намерение существует[13].



Фатх-Али-шах

Готовность персидской стороны к наступлению, как уже было сказано, зависела в немалой мере от внутреннего состояния Ирана. И по мере относительной стабилизации внутренней обстановки и упрочения власти Фатх-Али-шаха, начала активизироваться и политика Каджаров на закавказском направлении. Неоднократно перехватывались персидские фирманы к различным закавказским владетелям и населению с призывами выступить против русских и покориться Ирану. Так, в одном из фирманов 1803 г. к населению Кахетии говорилось «Известно, что Грузия составляет часть иранских владений. По оплошности грузинских царей, заблужденные русские уже начали помышлять утвердиться в этой стране. Александр-мирза и Темураз-мирза прибыли к нашему двору. Наша высочайшая воля состоялась для оказания покровительства этим царевичам и отторжения Грузии от проклятых русских. А потому ныне, удостоя их высочества монарших милостей, командировали их к наследнику нашему Аббас-мирзе, которого отрядили в Грузию с 50 000 армией и всеми снарядами и приготовлениями. Мы же сами в 1-х числах сафара снимемся из столицы и направимся в Грузию и Кизляр. По милости Божьей те страны будут очищены от гяуров русских и истреблены мечами победоносных воинов и царевичи будут утверждены в Грузии. А потому вы должны собрать свои ополчения и быть в готовности…»[14]. О том, что Каджары загодя готовились к войне, свидетельствовала и отправка ими в 1803 г. эмиссаров в Турцию, с целью организации совместного ирано-турецкого выступления против русских. Однако на тот момент в Константинополе (особенно, после энергичного вмешательства русского дипломатического представителя Италинского) отказались всерьез рассматривать предложение персов[15].

[13] Там же. С. 689.

[14] АКАК, Т. II. С. 804–805.

[15] *Иоаннисян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., С. 68–71.

Уже с начала 1804 г. обстановка в Закавказье стала еще более тревожной. В начале того же года войскам Фатх-Али-шаха удалось взять Мешхед и нанести поражение одному из оставшихся конкурентов – Надир-мирзе. В письме одного современника (Арютина Испатионова к брату своему Семену) от 24 февраля 1804 г. из Тавриза отмечалось «Получили здесь фирман и объявили, что после байрама сын персидского шаха приедет в Ганджу по дороге Куры с 60 000 чел., а два вельможи приехавшие сюда с 30 000 чел. едут непременно в Эриванъ…»[16]. На этот раз, все сведения, поступавшие в русскому командованию оказались верными шах покончив с наиболее опасными конкурентами, в самом деле решил начать полномасштабную войну.

Следует отметить, что российскую дипломатию также не вполне удовлетворяла (исходя из интересов не только безопасности, но и торгово-экономических) та приграничная зыбкая конфигурация, которая существовала перед войной. Так, в частности, 26 сентября 1802 г. рескриптом Александра I была утверждена принятая Негласным Комитетом программа В. Зубова о целесообразности установления российских границ по рр. Араксу, Куре и Риони[17]. Помимо этого имелось также постановление Государственного Совета от 14 апреля 1802 г., о целесообразности присоединения Эриванского и Гянджинского ханств (переговоры с первым продолжались вплоть до войны, второе, как уже было отмечено, было присоединено вследствие боевого столкновения, вызванного целой серией недружественных актов Гянджинского хана). Однако окончательно, эта программа, с различными корректировками, была сформирована позже. Еще в 1803 г., в Грузию, для содействия П.Цицианову, императором Александром I был направлен чиновник министерства иностранных дел П. М. Литвинов. За несколько лет пребывания в Закавказье (вернулся в Санкт-Петербург только в 1808 г.), Литвиновым, на основе ознакомления с местными реалиями, был составлен ряд записок, представленных Александру I («Сведения и замечания о Грузии, Имеретин и Мингрелии», «О хозяйственных видах на Грузию, Имеретию и Мингрелию, как в пользу сих владений, так и для торговли с Россиею», «О вредном обращении золотой и серебряной монеты для пользы Российского правительства, чиновников и частных россиян в Грузии живущих», «Замечания о персидских делах»), в которых затрагивался чрезвычайно широкий спектр проблем и, в том числе, в русско-персидской приграничной сфере. Последней, главным образом посвящена вышеупомянутая записка «Замечания о персидских делах», В них, Литвинов, учитывая прежний опыт и принимая во внимание современные реалии, настаивает на необходимости установления русско-персидских границ по водным преградам – по Араксу и Куре, исходя из невозможности по иному твердо обеспечить российские территориальные приобретения и безопасность, и проистекающие от этого торгово-экономические выгоды. Так, в частности, он указывает «Излишне было бы доказывать, что безвыгодно для России приобретение границы, отделяемой сухопутной чертой из Персии». Развивая свою мысль дальше, он пишет, что приграничную линию нужно устанавливать по естественным, «природным» границам, коих две «Первая есть северная сторона Кавказа по рекам Кубани и Тереку; вторая, естественная, идет по Куре, Араксу, Арпачаю и по реке Чорох, впадающей в Черное море у Батума. Коль скоро мы перешагнули через первую, должно утвердиться на последней»[18].

---

[16] [16] АКАК, Т. IL С. 806.

[17] *Тунян В.* Определение «новой» границы России на Южном Кавказе (1808–1810)// Вестник РАУ, Серия гуманитарные и обзщественные науки, № 1, 2003, Ер., С. 18.

[18] Цит. по *Тунян В.* Определение «новой» границы России на Южном Кавказе (1808–1810)// Вестник РАУ, Серия гуманитарные и общественные науки, № 1, 2003, Ер., С. 18.

Император Александр I

Между тем, 23 мая 1804 г. Мирза Шефи направил на имя ген. Цицианова письмо (по-сути, являвшееся ультиматумом), в котором требовал удаления русских войск из Закавказья. В частности, в нем отмечалось «извещаю вас, что в настоящее время мой шахиншах получил известие, что ваше высокостепенство, продолжающее свое пребывание в Тифлисе, под предлогом производства торговли, ныне протягиваете руку притеснения в пределы Гянджи и Дагестана. А как до сих пор мы причину вашего прихода в Иранские области считали только для торговых целей, то ныне от настоящего вашего поступка, удостоверившись в нарушении вами обетов дружбы и приязни, не можем постичь, кто именно виновник этого вашего действия; а потому шахиншах, отрядив от двора своего наследника престола с мудрыми полководцами в ту сторону, куда он двинулся из Казвина 12-го мухаррема, его величество вслед за ним же соизволит подняться из своей резиденции и переход за переходом будет следовать за наследником. А потому вам, как пекущемуся о пользах своей Державы и предвидящему последствие событий, подобает утушить пламя этого возженного огня. Для этой цели я отправляю к вам Якуб бека Геранлийского и если вы имеете завоевательные намерения, то просим удержаться на своем месте, для того, чтобы быть очевидцем той участи, которая вас постигнет… Но если вы с потомками Ираклий-хана под прикрытием вашего коварства имеете сделку о распространении торговли в Тифлисе и завладении оным городом, то постыдность такового коварства очевидна, а потому, шахские области вы должны без малейшего предлога очистить и прислать доверенное лицо к сыну Гургин-хана, состоящего при стременах наследного принца, для ведения переговоров и восстановления обоюдного согласия»[19].

Фактически, смысл послания говорил о том, что Иран немедленно готов начать боевые действия. Цицианов в ответном письме от 27 мая решительно заявил «Письмо вами писанное и поднесенное мне Якуб-беком, такого несоответственного слога не достойно Богом вознесенной Империи, ни моему званию, ни благонравию и воспитанию, отделяющему человека от бессловесной твари, что недостойно иного ответа как мечом с пламенем начертанного… буде штыки моих детей вам не нравятся, пришлите ушедших из Грузии царевичей Александра и Теймураза Грузинских, раздиравших Грузию междоусобной бранью, и тогда мир настанет и кровью персиян не намочены будут обильные нивы. Впрочем, воля ваша; призываю вас, буде в состоянии испытывать несметную свою силу с высокославным и непобедимым оружием Е.И.В.

[19] АКАК, Т. II. С. 807.

всемилостивейшего Государя моего; я вас на Куре и на Гокче, по словам писем царевичей, в моих руках находящихся, готов принять штыками и ядрами»[20].

Уже весной 1804 г. у Тавриза было сконцентрировано около 40 тыс. персидских войск во главе с престолонаследником Аббас-Мирзой.

В перспективе, ожидалось также прибытие еще самого шаха с армией в 60 тыс. человек. К этим войскам предполагалось присоединение и войск Эриванского ханства, для чего визирь Мирза-Шефи прибыл туда на переговоры. Персам удалось сосредоточить значительное количество сил и средств. Однако, как отмечает М. Игамбердыев «Как видно из названий полков иранских войск, племен и имен ханов и сердаров, принимавших участие в кампании русско-иранской войны, военные действия велись со стороны Ирана исключительно силами тюркских племен областей Северного Ирана и Южного Азербайджана (Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Табаристан), части Тегерана (частично Керман и Луристан), которые поддерживали Баба-хана. Племена южного Ирана – курды, бахтияры и др. не принимали участия в русско-иранской войне 1804–1813 гг.»[21].

Русская сторона также деятельно готовилась к боевому столкновению. Тем не менее, сугубо в численном отношении она значительно уступала персидской армии, сконцентрированной на границах. Так, в канун боевого столкновения, Российская империя располагала в Закавказье следующими силами 7 пехотных полков (Кавказский гренадерский, 9-й, 15-й и 17-й егерские, Тифлисский, Кабардинский и Севастопольский мушкетерские с 24 орудиями). Из кавалерии – Нарвский драгунский полк и части Донского казачьего войска[22]. Вдобавок, войска (в целях необходимой охраны различных пунктов) были разбросаны на значительной территории

В мае 1804 г. Цицианов закончил концентрацию своих сил в Саганлугском военном лагере под Тифлисом. Согласно И. Дубровину, численность отряда, который Цицианов мог вывести в поле, составляла 4080 чел.[23], а по данным М. Богдановича – 4 600 чел[24]. Как на тот момент, так и позже, численность русских войск в Закавказье всегда оставалась небольшой. Все остальные главнокомандующие при формировании сводных отрядов также редко когда могли выставлять в поле значительное число бойцов. Настоятельная необходимость прикрытия более-менее важных с военно-стратегической точки зрения участков, приводила к распылению и без того немногочисленных русских сил.

Двинувшись на Эриванское ханство, П. Цицианов оставил небольшое количество войск для охраны основных пунктов правого и левого флангов. Сугубо в военном отношении, логику Цицианова можно было понять. Оборонять с такими незначительными силами столь огромную территорию не представлялось возможным. В условиях явной нехватки сил и невозможности обеспечения прочной обороны, парировать удары превосходящих персидских войск возможно было лишь при встречном наступлении. Кроме того, пассивная оборона в этих условиях могла быть чревата утратой военной инициативы, переход которой к противнику создал бы ему колоссальные возможности для маневра и атаки практически по всей линии соприкосновения. Прорыв, и, как минимум – разорение и грабеж населения в этих условиях явился бы неизбежным фактом. Неспособность же (в силу отмеченной выше малочисленности войск) предотвращения подобных прорывов имела бы не только чрезвычайно неблагоприятные последствия в военном, но и в политическом отношениях. В этом смысле, мнение одного анонимного автора касательно неосмотрительности П.Д. Цицианова и о том, что Эриванский поход в немалой

[20] АКАК. Т. II. С. 808.

[21] *Игамбердыев М.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд. 1961.С. 75.

[22] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. С, – Петербург, 1886, Т. IV, С.286.

[23] Там же. С. 302.

[24] *Богданович М.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб, 1869, Т. I. С. 301.

степени был вызван в немалой степени натянутыми личными отношениями между князем и эриванским ханом, вызывает определенные сомнения. Так, он пишет «Я умалчиваю здесь о многих причинах, побудивших к предприятию сей компании, так же о пользах и неудобствах к приобретению Эривани, о достоверных известиях приближения Баба-ханова с войском, о разных мнениях и предположениях на сей счет кн. Цицианова, о грубых и ругательных отзывов его к Баба-хану и хану Эриванскому, возбудивших личную злобу, о угрозах его, препятствовавших хану и подумать о сдаче города; а равно и об многих сего последнего подававших надежду к занятию Эривана без сопротивления, которые нередко кн. Цицианов, принимая за истину, основывал на оных свои дела; скажу только, что сии то, может быть и были причиною, что кн. Цицианов не сделал никаких приготовлений и запасов к сей экспедиции и, выступя из Грузии, оставил без внимания ознаменовавшиеся уже от части мятежа в оной»[25].

Уже 10 июня 1804 г. у с. Малый Караклис отряд генерал-майора С. Тучкова нанес персам поражение и вслед за этим занял Гюмрий-скую крепость. Следующее столкновение, между русскими войсками и собственно силами престолонаследника Аббас-Мирзы произошло 19–20 июня у Эчмиадзина, в результате чего персы вынуждены были отступить к северу от Эриванской крепости[26]. 30 июня Цицианов, в целях устранения угрозы возможного нападения с тыла и флангов, начал наступление на главный иранский лагерь. Русские войска, используя артиллерию, заставили Аббас-Мирзу отступить за Араке. По показаниям пленных, численность войск престолонаследника составляла 27.000 чел[27]. Тем не менее, угроза не была снята. Армия Аббас-Мирзы не была окончательно разгромлена, но наоборот, получила в дальнейшем определенную свободу действий, которую она активно использовала в деле срыва осады Ереванской крепости русскими войсками.

2 июля 1804 г. началась осада самой крепости. Переговоры о сдаче ничего не дали. Гарнизон состоял по некоторым данным из 7000 чел., кроме присланных позже еще 800 пехотинцев от Баба-хана[28]. Следует отметить, что Эриванская крепость по тем временам считалась «крепким орешком». Участник похода, говоря о состоянии крепости отмечал «Крепость Эриванская построена при реке Занге, на самом высоком, крутом и утесистом берегу и с сей стороны имеет весьма слабую стену, а прочие окружены двойною стеною внутренняя из кирпича и камня, складеннаго на глине, весьма толста, довольно высока и имеет 17 башен; вторая, расстоянием от первой от 15-ти до 20-ти сажен из глины и камня, гораздо ниже и тоньше первой стены, идет в параллель. А окружение башен первой стены составляют батареи, пред оною ров довольной широты и глубины, местами с водою. Крепостная артиллерия, по словам некоторых, состояла из 60-и пушек, но в действии не больше примечено было, как 20 или 22, да две или три мортиры»[29].

[25] 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова.// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/ Под ред. Ц.П. Агаяна. Ер., 1972. Док № 199.

[26] Там же. Док. № 194.

[27] Там же. Док. № 188.

[28] Там же. Док № 199.

[29] Там же.

Аббас-мирза

Тем временем, пока Цицианов готовился к решающему штурму, 14 июля войска Аббас-Мирзы соединились с силами Фетх-Али-шаха (Баба-хана). Уже на следующий день персы начали активные боевые действия, напав на отряд Леонтьева, и одновременно, из крепости были сделаны 2 вылазки из крепости против отряда Симоновича. В результате ожесточенного боя, обе стороны понесли существенные потери. Как отмечает очевидец «Более 8-ми часов продолжали персияне свои нападения, наконец отступили.

Россияне в сем деле потеряли убитых офицеров 3, нижних чинов до 120-ти, да раненых офицеров 6, нижних чинов до 200.

Неприятельский урон был несоразмерно более… После сего сражения персияне окружили осаждающих сильными бикетами и никогда их не снимали. Должно было удвоить число постов, а как войска для блокады из того недоставало, то и произошло, что люди бессменно стояли в карауле и болезни начали очевидно умножаться»[30]. Посланный в ночь на 26 июля для контратаки противника отряд генерал-майора Портнягина в 1000 чел. потерпел неудачу. Потери его составили 50 чел. убитыми и 100 ранеными[31].

После соединения войск престолонаследника Аббас-Мирзы с войсками шаха, русский отряд, блокировавший крепость, сам оказался в осажденном состоянии, будучи связанным с одной стороны – гарнизоном крепости, и с другой – персидской полевой армией. Не предпринимая крупных боевых операций, персы попытались наглухо закрыть пути подвоза для русского корпуса, а П. Цицианов, со своей стороны, старался этого не допустить. Но, несмотря на все усилия, осаждавшие крепость русские войска вскоре начали ощущать крайний недостаток в провианте, фураже и боеприпасах. Среди них начали распространяться болезни. 30 августа было получено известие об уничтожении на удалении в 12 верстах от Караклиса отряда майора Монтрезора, посланного для доставки провианта[32]. На всем пути от Тифлиса до Эриванской крепости действовали организованные Аббас-Мирзой крупные и мелкие отряды, в задачу

[30] 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/Под ред. Ц.П. Агаяна. Ер., 1972. Док№ 199.

[31] Там же.

[32] 1804 г. августа 31. – Протокол заседания военного совета по вопросу о штурме крепости Ереван русскими войсками// Присоединение Восточной Армении к России…. Док. № 196.

которых как раз и входил срыв доставок продовольствия, фуража и боеприпасов русским войскам. Вскоре всякое сообщение Цицианова с тылами (с Грузией) практически прекратилось и иссякли все надежды на доставку всего необходимого. В таких условиях штурмовать крепость не представлялось возможным. Также невозможно было продолжать блокаду крепости.

Учитывая всю сложность обстановки, недостаток в людях, боеприпасах и провианте, увеличение числа раненых и больных, генерал Цицианов 31 августа созвал военный совет, который постановил снять блокаду и начать отступление. На решение об отступлении, повлияла и нестабильная обстановка в тылу, где после начала похода горцами (пша-вами, хевсурами, осетинами) было прервано сообщение Кавказской линии с Грузией[33]. Также деятельность царевичей Юл она, Парнаваза и Александра привела к тому, «подстрекаемые персиянами, памбакские и борчалинские татары грабили армия и тем принудили последних оставить свои жилища и подойти ближе к Тифлису под защиту русских войск… По просьбе тех же царевичей, многие соседи Грузии готовились к вторжению в ее пределы. Ханы шекинский и шемахинский, собравши до 6 000 человек войска, подошли к ее границам. Потали-бек, сын Ибрагим-хана шушинского (карабахского), нападал на елисаветпольских жителей, убиравших в поле хлеб и отгонял скот. Джарские лезгины вторгались в Кахетию и даже проникли почти до самого Тифлиса»[34].

Отступление началось в ночь на 3 сентября и осуществлялось в тяжелых условиях, при перестрелках с наседающим неприятелем. К началу октября войско добралось до Тифлиса[35]. Первый Эриванекий поход оказался, таким образом, неудачным. Главная цель – взятие Эриванской крепости и, присоединение, таким образом ханства достигнуты не были. Кампания 1804 г. против персов в лице эриванского хана была фактически завершена. Однако, операции отдельных отрядов не прекращались. Так, уже в январе 1805 г. генералу Несветаеву удалось присоединить к русским владениям Шурагельскую провинцию[36]. После прибытия отряда П.Цицианова волнения в Грузии и Осетии были прекращены, а немногим позже – царевичи Юлон и Парнаваз были арестованы. Сообщение с Кавказской линией вновь было восстановлено.

В боевых операциях, на стороне русских войск, как и следовало ожидать, приняли активное участие и целый ряд представителей арцахских армянских меликских домов вместе с вооруженными отрядами, составленными из их подданных. Так, например, во время осады Эриванской крепости в 1804 г. немаловажную помощь русскому корпусу оказывал армянский конный отряд под руководством сына Гюлистанского Мелик-Абова Ростом-бека. Его помощь оказалась в особенности значимой в деле охраны русских обозов, нагруженных военным снаряжением (боеприпасами и т. д.) и двигавшихся через Памбак-Апаран к осаждавшим крепость русским войскам. В дневнике боевых действий русского корпуса от 14 июля 1804 г. сказано следующее «Сегодня из Памбака добрался на место обоз со снарядами. Капитан Степков свидетельствует, что в успехе его отряда главным помощником явился армянский князь Ростом-бек сын мелика Абова»[37]. После успешной доставки военных транспортов в русский стан, мелик Ростом продолжал выполнять поставленные перед ним задачи. Так продолжалось до тех пор, пока во время выполнения очередного задания, его небольшое подразделение не столкнулось с 8000 отрядом Пир-Кули хана в окрестностях Памбакского села Гурсали. В неравном бою полегла большая часть армянских ополченцев и отряд Монтрезора. Сам мелик Ростом был

---

[33] *Дубровин К* Указ. соч. Т. IV. С. 302.

[34] Там же.

[35] 1804 г. ноября 30. – Анонимная записка о походе русских войск на Ереван под командованием П.Д. Цицианова// Присоединение Восточной Армении к России… Док № 199.

[36] *Потто В.* Указ. соч. С. 336.

[37] *Цит. по* История армянского народа. Ер., Т. V, 1974. С. 127 (на арм. яз.).

тяжело ранен и попал в плен. Его в оковах персы увезли в Тавриз, где в 1805 г. обезглавили по приказу наследного принца Аббас-Мирзы[38].

В боевых действиях под Эриванской крепостью принимали весьма активное участие и варандинцы, во главе с меликом Джимшидом Мелик-Шахназаряном[39]. Еще до этого, мелик Джимшид, оказывавший различную помощь российской стороне был награжден серебряной саблей. Так, в письме П.Д. Цицианова от 20 мая 1804 г. мелику Джимшиду сообщалось следующее «Е.И.В. принял во всемилостивейшее уважение ревность вашу и деятельное усердие, оказываемое на пользу отечества, равно как и верноподданническую вашу преданность, высочайше указать мне соизволил объявить в.с. высочайшее свое монаршее благоволение, в знак которого и в память роду вашему и потомству е.и.в. всемилостивейшее жалует вам саблю серебряную, имеющую надпись – за ревность и усердие, надеясь, что только милосердное отличие будет впредь вящим поощрением в подвигах ваших к благу общему и к пользам службы е.и.в.»[40]. В районе ТПамтттадина и Казаха на стороне русских войск активное участие в боевых действиях принял также отряд Григора Манучаряна из 500 армянских ополченцев, неоднократно срывавший попытки прорыва персидских отрядов[41]. Осенью 1804 г., после отступления русского отряда, армянские ополченцы, во главе с отцом взятого в плен мелика Ростома – Абовом, вместе с русскими частями отразили натиск персов на Каракилису[42]. Важная помощь русскому командованию представителями армянства оказывалась и позже. Так, находившийся в 1805 г. при отряде полковника Карягина Вани Атабеков сумел вывести его из окружения у Шах-Булаха, и тем самым – спасти от полного истребления. В. Потто прямо пишет, что «этот человек один принес Карягину пользы более, чем принесло бы ему несколько сот всадников… с этой минуты в полном смысле слова [он] становится спасителем отряда»[43]. Помощь Вани этим не ограничилась. Преследуемый персами и осажденный в Шах-Булахской крепости отряд Карягина не мог держаться долго в условиях отсутствия продовольствия. Начался голод. И, в этих обстоятельствах, отряд вновь был спасен благодаря деятельности Вани. Сам он, говорил об этом следующее «Получив записку Карягина, и тщательно припрятав ее на всякий случай, я решился идти в село Кусапат… где жил мой отец и где, как я знал, можно было найти хлеб, спрятанный армянами в ямах. Я вышел из Шах-Булаха ночью, и… достиг, наконец, своего жилища… Младшего брата своего Акопа. Человека чрезвычайно отважного и смелого, я тотчас послал в Елисаветполь с запискою Карягина, а сам принялся с отцом моим молоть пшеницу и к следующей ночи напек 40 больших хлебов, набрал чесноку и других овощей и к рассвету доставил это в Шах-Булах»[44]. Эти и иные подвиги Вани Атабекова были высоко оценены русским командованием. За свои многочисленные заслуги он получил от российского правительства чин прапорщика, золотую медаль и пенсию в размере 200 рублей в год[45]. В 1814 г. сотник Вани также получил титул мелика и правление над Джрабердским меликством (которым управлял до 1840 г., до введения в крае общих губернских учреждений).

Следует отметить, что в собственно регулярных русских войск также служило немало армян, некоторые из которых (как, например, В. Мадатов), сыграли немаловажную роль в побе-

---

[38] *Григорян З.* Военное сотрудничество русского и армянского народов в начале XIX века. – Ереван, 1957. С. 78. (на арм. яз.).

[39] Там же. С. 75.

[40] 1804 г. мая 20. – Письмо П.Д. Цицианова Мелику Джимшиду о награждении его серебряной саблей// Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801–1813)/ Под ред. Ц.П. Агаяна. – Ереван, 1972. С. 224.

[41] *Ерицян А.* Католикосат всех армян и армяне Кавказа в XIX веке. 4.1, Тифлис, 1894, С. 244–245 (на арм. яз.).

[42] История армянского народа. Т. V, 1974. С. 128 (на арм. яз.).

[43] *Потто В.* Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества(Мелик-Вани и Акоп-юзбаши Атабековы).. – Тифлис, 1902. С. 15–16.

[44] «Кавказ». № 62. 1852.

[45] *Потто В.* Указ. соч. С. 32–60.

дах русской армии. В целом же, армянское население, постоянно проживавшее, или нашедшее временное пристанище в русских пределах в Грузии[46] всегда в массе своей выступало на стороне русских войск. Поэтому не удивительно, что сам император Александр I посчитал необходимым подчеркнуть это обстоятельство в особой грамоте на имя армянского народа, данной им 15 сентября в главной квартире в г. Теплице (Богемия) «С истинным удовольствием усмотрели мы из донесения главнокомандующего нашего в Грузии приятное для сердца нашего новое свидетельство о тех чувствованиях верноподданнической благодарности, коими все сословия армян, в Грузии обитающих, всегда были преисполнены к высокому покровительству и к отеческому нашему о благе их и всего тамошнего народа попечению. Они доказали сии чувства на многократных опытах и непоколебимой верности во всех случаях; они отличались примерным постоянством и преданностью, когда легкомыслие и неблагонамеренность старались всуе поколебать водворенное нами в Грузии спокойствие и посреди смутных обстоятельств пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к нам и к престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самою жизнью на пользу службы нашей и для блага общего. Таковое усердие всего армянского народа в Грузии и всех сословий, оный составляющих, заслуги их и подвиги налагают на нас приятную обязанность засвидетельствовать пред целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу их в памяти потомков. Пребываем ко всем им императорскою нашею милостью благо склонны»[47].

Весной 1805 г. важные события стали разворачиваться в Карабахе. Переговоры о принятии Ибрагим-ханом российского подданства шли и ранее, однако хан, желавший сохранить свое полунезависимое положение, предпочитал лавировать между русскими и персами. В 1805 г., угрожаемый шахом, которому он не доверял, и испуганный решительной наступательной политикой П. Цицианова Ибрагим-хан, наконец, 14 мая 1805 г., на р. Курак-чай (недалеко от Гандзака), подписал договор о вступлении в российское подданство и отказывался от персидского.

Договор состоял из 11 артикулов. Приведем наиболее важные из них:

«1) Ибрагим-хан тушинский и карабахский отказывался навсегда от всякого вассальства и зависимости от Персии или иной державы и признавал над собою одну только власть русского Императора. В первом артикуле говорилось «Я, Ибрагим хан Шушинский и Кара-багский, именем моим, наследников и преемников моих торжественно навсегда отрицаюсь от всякого вассальства или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Перси или иной державы, и сим объявляю пред лицеем всего света, что я не признаю над собой и преемниками моими иного самодержавия, кроме верховной власти Е.И.В. Всероссийского великого Г И. и Его высоких наследников и преемников престола Всероссийского Императорского, обещевая тому престолу верность, яко верноподданный раб оного – в чем и должен дать присягу по обычаю на святом Коране». (1 артикул)

2) Хан обязался не иметь никаких сношений с окрестными владельцами. Полученные от них письма более важные по содержанию отсылать на разрешение главнокомандующего, а

[46] Среди временно нашедших пристанище в российских пределах были и некоторые арцахские мелики со своими подданными, которые, тем не менее, при малейшей возможности, сохраняя тесные связи с русским командованием, стремились возвратиться всегда назад. Причиной этих кратковременных перемещений были постоянные набеги и войны, вследствие которых людские и материальные возможности меликов были существенно ослаблены. Практически непрерывная оборона, которую начиная с XVIII века вынуждены были вести арцахцы то против дагестанских горцев, то против персов, то против турок, то против самозванных ханов Панаха и его сына Ибрагима, к указанному моменту сильно подорвала их мощь. Конечно, они продолжали оставаться важным фактором в региональном балансе сил, однако возможности их уже были далеко не прежними. Именно потому, не имея возможности вести как и ранее бои против крупных сил противника, и в целях сохранения жизни и имущества своих подданных, они на краткое время перемещались в близлежащие к границам их природных меликсгв местности, контролировавшиеся русскими войсками.

[47] Высочайшая грамота Армянскому народу, обитающему в Грузии, от 15-го сентября 1813 года-Теплице. АКАК. Т. V. С. 945.

менее важные сообщать и советоваться с особою, имеющую пребывать при Ибрагим-хане от лица главнокомандующего в Грузии. «Я, Ибрагим… обещаю без предварительного согласия главноуправляющего Грузией не иметь сношения с окрестными владетелями, а когда от них придут посланцы или присланы будут письма, то большую важность в себе заключающие отсылать к главноуправляющему…». (Артикул 4)

3) Заготовлять провиант для русских войск, назначенных в его владение, по ценам, утвержденным главнокомандующим. Отвести для войск помещения и давать дрова. Дорогу из Елизаветполя в Шушу сделать удобной и проезжей для арб. Артикул 6)

6) В залог верности, дать в аманаты внука от старшего сына, на всегдашнее пребывание его в Тифлисе. Платить ежегодно дань в 8 000 червонцев, внося ее в два срока 1-го февраля и 1-го сентября. (Артикул 8) Взамен того ему обещано

1) Сохранение целости его владении; потомственное, по старшинству колена, владение ханством с утверждения русского императора; сохранение во власти хана суда, расправы и доходов с владения.

2) Отправление в Шушинекую крепость 500 человек русского войска с артиллерией, назначаемого для защиты его владений, (артикулы 3,5)

3) Даровано знамя с русским гербом, для постоянного хранения в доме владетельной особы. Внуку его, назначенному аманатом, определено по десяти рублей на ежедневное содержание (артикул 7)»[48]. Сходный договор был заключен также с Селим-ханом Шекинским в Курак-чае 21 мая 1805 г. (последний был утвержден на ханство еще в 1796 г. графом Зубовым, однако был изгнан оттуда после ухода из Дагестана русских войск). Разница состояла лишь в том, что Шекинский хан обязался выплачивать ежегодную дань в размере не 8, а 7 тыс. червонцев, и вместо старшего сына отдавал в аманаты детей пяти знатнейших беков.

Эти события имели важное военно-политическое значение. Как отмечает Н. Дубровин «С приобретением ханства Шекинского и с занятием его, на основании трактата, 500 человеками войска, джаро-белоканцы стеснялись меду двух русских отрядов одного, расположенного на реке Алазани, и другого, находящегося в шекинском владении. Под данство же карабахского владетеля давало России возможность обеспечить Грузию не только со стороны Персии, но и со стороны Дагестана. Приобретение Карабахского ханства сближало нас и с Бакою, которая, по общему плану, долженствовала быть занятой нашими войсками в непродолжительном времени. С устройством дорог, возможных для прохода купеческих караванов из Грузии, через Елизаветполь, Шушу в Джават, устанавливалась торговая связь с Астраханью, потому что местечко Джават лежало при впадении реки Аракса в Куру, которая с этого места делалась судоходной»[49]. В начале 1805 г. же, в подданство Российской Империи перешла и Шурагельская провинция (с центром в Артике), владелец которой Будаг-султан, по освобождении из персидского плена (25 октября 1805 г.) подтвердил подданство России и заключил с кн. П. Цицановым трактат, аналогичный куракчайским (с той лишь разницей, что размер ежегодной дани составлял всего лишь 2000 руб.)[50].

Все эти очевидные успехи русских, практически полностью уничтожившие негативное впечатление от неудачи в Эриванском походе не могли не обеспокоить персов. От имени шаха был направлен целый ряд фирманов, призывавших к восстанию против русских, а вслед за этим, в апреле 1805 г. были получены сведения о новой концентрации в Тавризе персидских войск. Между тем, количество русских войск, расквартированных в Грузии, в силу отсутствия подкреплений было невелико. По данным Н. Дубровина, собственно в Грузии под рукой П.Ци-

[48] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. IV, С. 425; Всеподданнейший рапорт кн. ТТицианова, от 22 мая 1805года, № 19/АКАК. Т.П. С. 704–705.

[49] *Дубровин К* Указ. соч. Т. IV. С. 429.

[50] АКАК, Т. IL С. 577.

цианова находилось всего 6 810 чел. пехоты и 1 400 чел. кавалерии. Количество же войск, которые на тот момент Цицианов мог вывести непосредственно для боевых действий в ноле было и того меньшим – 1200 чел. с 9 орудиями[51]. В преддверии персидского наступления, Цицианов стягивал свои небольшие силы к Елизаветполю и Памбаку, отправив также небольшой отряд под командованием Лисаневича для занятия Шушинской крепости. Для отвлечения шахских войск планировалось также отправить каспийскую флотилию к персидским берегам (в Энзели и Решт).

Между тем, как и ожидало русское командование, персы направили свой основной удар на Карабах, параллельно введя дополнительный контингент в Эриванское ханство. Приближение персов немедленно привело к колебаниям в поведении карабахского и шекинского ханов, которые видя немногочисленность русских отрядов стали вести двусмысленную политику, что, в частности, выразилось в задержке провианта для русских войск. Более того, сын Ибрагим-хана Абул-Фетах-ага действовал против русских в составе иранского войска.

В конце июня 1805 г., силы Аббас-Мирзы окружили небольшой русский отряд у Аскерана. После четырех суток почти непрерывного боя, малочисленный отряд пробился к Шах-Булахской крепости, где и был осажден имевшими огромное превосходство в людской силе персами. Наконец, благодаря Вани Атабекову (о деятельности которого уже было сказано выше), отряд Карягина сумел выйти из окружения и прибыть к Мухратской крепости, где он оказался в относительной безопасности. Цицианов, в силу малочисленности бывших при нем войск не сумел тогда же прийти на помощь Карягину. Наконец, получив некоторое подкрепление, он выступил позже, имея в отряде только 2 731 чел. 16 июля, 1805 г., после непродолжительного боя, отбросив иранцев на р. Тертер Цицианов соединился с отрядом Карягина. Оттуда, отряд Карягина был отправлен к Елизаветполю, а сам Цицианов двинулся на главные персидские силы, которые, несмотря на многократное превосходство, тем не менее отступили за Араке. Между тем, пока Цицианов шел на главную персидскую армию, Аббас-Мирза предпринял наступление к Елизаветполю, спеша воспользоваться отсутствием князя. Наличие многочисленной кавалерии позволяло персам быстро маневрировать. Однако, 27 июля 1805 г., при р. Дзетам, русские войска под командованием Карягина, отбив атаки Аббас-Мирзы сами перешли в наступление, и нанесли поражение его войску. 3 августа 1805 г. сам главнокомандующий возвратился в Елизаветполь. На этом, фактически, крупные операции против персидской армии были завершены. Наступление осени и холодов практически всегда знаменовало спад в иранских боевых операциях. «Сезонность» действий персов обуславливалась в немалой степени тем, что большая часть армии, состоявшая из кавалерии, питалась «подножным кормом». После же наступления холодов и уборки полей, как правило, исчезала и продовольственная база. Поэтому, наступления крупных масс персов с приходом холодов, можно было не опасаться.

В 1805 г. было также заложено укрепление в Мегрелии – Редут-Кале. Как отмечает В. Потто «Но стремления Цицианова шли далее обеспечения русских владений со стороны Персии и Турции. Он понимал, что не имея ни одного торгового пункта ни на Каспийском, ни на Черном морях, почти невозможно удержаться в Закавказье, имевшем единственное сообщение с Россией через горы, доступные, притом, не во всякое время года. Между тем, переговоры с Турцией об уступке Поти не привели ни к каким результатам. Тогда, чтобы как-нибудь помочь делу, Цицицанов заложил в Мингрелии, при устьях Хони, небольшое укрепление Редут-Кале, и в то же время, пользуясь войной с Персией, задумал занять Баку и утвердиться на Каспийском море. С этой целью отправлена им еще в 1805 году Каспийская флотилия с десантом, под командой генерал-майора Завалишина»[52].

---

[51] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 439.

[52] *Потто В.* Указ. соч. С. 339.

Однако, десантная операция Каспийской флотилии не оказала того влияния на столкновения между русскими войсками и персами на суше, на которое надеялся П. Цицианов. Основными целями готовившейся операции являлись следующие «1) устрашить мнимого персидского шаха Баба-Хана, дабы он выдал в плен попавших в прошедшую кампанию российских военных и захваченных грузинских князей, дворян и мещан… дабы за убытки, понесенные от кампании, отдал миллион рублей и, наконец, выдал бы 12 орудий, взятых в Тифлисе Ага-Магомед-ханом у царя Ираклия; 2) занять город Баку с гарнизоном»[53]. В десанте было задействовано 6 рот, в составе 1345 чел[54]. Флотилия отплыла 10 июня. 23 июня русскими был занят Энзелийский порт, но попытки захватить Решт окончились неудачей.

12 августа 1805 г. русская эскадра появилась у Баку, где бакинскому Хусейн-Кули хану было предложено сдаться. Получив отказ, 15 августа генерал-майором Завалишин отдал приказ начать бомбардировку крепости. Однако, в силу отсутствия тяжелых орудий артобстрел результатов не дал. Между тем, положение немногочисленного русского отряда было довольно сложным. К Хусейн-Кули хану на помощь пришел Шейх-Али хан, 5 сентября вступивший в Баку. Вследствие этого, Завалишин отступил. Однако, Цицианов приказал вернуться и поджидать его прихода у Баку. Выражая свое крайнее недовольство нерешительностю Завалишина, Цицианов в своем письме к нему от 24 сентября 1805 г. указывал на упущения «Наконец, после 4-месячного молчания вашего о действиях ваших, получил я первейший от в. пр. рапорт, на который не могу дать вам никакого разрешения ибо время уже потеряно. Баку, коей занятие по плану операции вам данному должна была главнейшей быть вашей целью, не взята, а отступить от нее дело постыдное для России… За сим скажу в. пр., что если бы я не ходил по горнице на клюках от изнурившей меня болезни, и если бы 400 верст меня не разделяли с вами, хотя сия и не велика остановка, а самая важная та, что я, не имея от вас курьера, и не могу знать последней вашей резолюции об отступлении, то я бы полетел на выручку славы Российской и скорей бы лег под стенами, нежели дал бы Хусейн-Кули-хану кичиться тем, что он отбил российские войска, и что они ему ничего не сделали»[55].

Между тем, усложнявшаяся обстановка на европейском театре не позволяла И. Цицианову надеяться на получение подкреплений. Из Петербурга рекомендовали перейти к обороне, на время ограничиться приобретенным, заняться устройством внутренних дел и сделать попытку примирения с Ираном. Князь Чарторыйский, в своем письме от 8 сентября 1805 г. Цицианову советовал следующее «Сохранение завоеваний, вами приобретенных, устроение дорог, привлечение ханов персидских к российскому начальству и обеспечение пределов Грузии могут быть достаточными занятиями на сей раз, для неутомимой вашей деятельности…»[56]. Еще ранее, в своем ином письме (от 15 ноября 1804 г.) Чарторыйский отмечал, что в случае «искательства» персидского шаха к миру, следует очертить предмет переговоров течением Куры и Аракса[57].

Отвечая Чарторыйскому в письме от 19 октября 1805 г., Цицианов отмечал, что при нынешнем состоянии вещей персы вряд ли будут восприимчивы к мирным призывам. Наоборот, они еще достаточно сильны, чтобы попытаться возвратить утраченное. Единственный же способ обезопасить оказавшиеся в подданстве России территории – это продолжать наступательную политику до тех пор, пока российская власть не будет простираться до Аракса и Куры. Для достижения этой цели Ц, ицианов намеревался покорить Баку, Ширван, а зимой –

[53] РГВИА, ф. ВУА, д. № 4262. л. 3.

[54] Там же. л. 5.

[55] АКАК. Т. II. С. 737.

[56] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 476.

[57] [ш] АКАК. Т. II. С. 815.

взять Эриванскую крепость[58]. Лучше знакомый с местными реалиями, П. Цицианов в определенном смысле был прав. Первая половина компании 1805 г. показала, что персы имея многочисленную кавалерию способны на быстрые маневры, которые могут быть чреваты неожиданными прорывами. Цицианов полагал, что возможные предложения об установлении мира на нынешнем этапе будут однозначно истолкованы в Тегеране как признак слабости, а потому, это еще более отдалит, а не приблизит окончание боевых действий. Поэтому, несмотря на ограниченные возможности и испытываемое изнурительное недомогание, он решил продолжать наступательную политику. Неудачные операции отряда Завалишина привели князя к мысли о необходимости личного участия в операции по покорению Бакинского ханства.

Выступив из Елизаветполя 23 ноября 1805 г. Цицианов пошел на Баку через Ширванское ханство, с владетелем которого Мустафой-ханом переговоры по поводу подданства велись еще ранее. Хан выражал тогда согласие на принятие русского подданства, однако хотел при помощи русских установить свой контроль над Шекинским, Муганским, Рудбарским, Сальянским и Бакинским владетелями. Цицианов не хотел отдавать ему приоритета перед остальными ханами, а потому, переговоры тогда завершились безрезультатно. В 1805 г. Мустафа-хан отказался от своих домогательств. В результате, 25 декабря 1805 г., в соответствии с заключенным трактатом, Ширванское ханство перешло в подданство

России. Условия были практически аналогичны прежним, Куракчайским трактатам, с добавлением пунктов об обязанности отвечать за безопасность купеческих караванов, давать рабочих для возведения укреплений при устье р. Куры, уступить Ибрагим-хану Джеват и др[59].

2 февраля 1806 г. отряд Цицианова соединившись с частями Завалишина уже находился под Баку. П.Цицианов потребовал от Бакинского хана принять русское подданство. Согласно условиям Цицианова, ханство должно было быть присоединено к России, все доходы его направлялись бы в казну, а самому хану определялось годовое содержание в 10 тысяч рублей[60]. Хан по виду соглашался на сдачу, но вместе с тем, пытался затянуть переговоры. Когда это не удалось, то 8 февраля 1806 г. было осуществлено убийство Цицианова при личной встрече с ханом.

Н. Дубровин, описывает это происшествие следующим образом «В сопровождении нескольких человек своей свиты хан выехал из крепости, встретился с князем Цициановым как старый знакомый и передал ему ключи города. После взаимных объятий Хуссейн-Кули-хан предложил главнокомандующему сесть на *намедь* или войлок. Перед ними стояли два персиянина, а позади Ибраим-бек, приближенный хана. В знак почета, по азиатскому обычаю, Хуссейн передал князю Цицианову кальян, и когда тот взял в рот *ней-пичь* (конец кальяна), то, по заранее сделанному словию, Ибраим-бек выстрелил ему в затылок, а вслед за тем, другим выстрелом был убит и князь Эристов, сопровождавший главнокомандующего. Отрезавши голову князю Цицианову, Ибраим-бек ускакал в город, а оттуда отправился к Аббас-Мирзе в Тавриз, за что и получил от наследника персидского престола звание хана. В день приезда Ибраим-бека Тавриз был иллюминирован. Вслед за убийством князя Цицианова с крепостных стен был открыт огонь по нашему отряду, стоявшему у колодца. Войска отступили не успевши выручить тело своего главнокомандующего. Оно было зарыто у ворот крепости, где долгое время виднелась могила грозного *инспектора.* Впоследствии армяне скрыли тело в засмоленном гробе, и оно оставалось до 1808 года непогребенным в церкве Аствадцъзадзна. Только через шесть лет после смерти князя Павла Дмитриевича, главнокомандующий на Кавказе маркиз Паулуччи перенес тело его в Тифлис и положил в Сионском соборе…»[61].

---

[58] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 477.

[59] АКАК. Т. IL С. 674–677.

[60] АКАК. Т. II. С. 738.

[61] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 489–490. Под «Аствадцъзадзна» следует понимать церковь Аствацацин – Богородицы (прим, авт.)

С несущественными отличиями, обстоятельства гибели Цицианова описываются и С. Броневским. Так он отмечает «В 9 часов утра главнокомандующий выехал на назначенный пункт к колодезю; пеший гребенский казак шел сзади для принятия лошадей. Ворота города были заперты, а по стенам стояло войско. Хан не показывался. Князь приказал Эрнстову съездить и напомнить хану, что ему, князю, как действующему от имени императора, неприлично долее ожидать. Но в этот момент из крепости выехали Гусейн-бек и городской старейшина или комендант, калабеги с ключами города и хлебом-солью, объявляя, что хан опасается… русских войск и сам быть не может. Главнокомандующий отвечал, что если хан сомневается… то пусть выезжает с 1000 своих воинов, а он будет один с князем Эрнстовым, своим переводчиком. Князь Цицианов, кроме того, заметил, что вернется опять к хану не иначе, как с лестницами; при этом он возвратил ключи и хлеб-соль, прибавив, что примет их только из рук самого хана. В это время отворилась калитка и вышел хан, сопровождаемый двумя гайдуками, вооруженными с ног до головы. Эристов напомнил хану, что вооруженными гайдуками нарушается условие сдачи города; хан же на это ответил «.. Вы и князь знаете азиатские обычаи, что телохранители никогда не оставляют того. Кому служат и явиться без оружия им все равно что потерять честь. Поезжайте и успокойте князя, а я безоружный сам пойду к нему навстречу…». Хан приблизился и главнокомандующий сошел с лошади. Внимание войск было напряжено. Воцарилась мертвая тишина… Хан подал на блюдце ключи города и дружественно облобызался с князем… но лишь князь освободился от объятий, как два всадника, подъехавшие в это время из города, разом в упор выстрелили в князя и мгновенно обезглавили его кинжалами, успев даже ограбить все бриллианты и отрезать палец вместе с перстнем… Толпа конницы с криком выскочила из города и. окружив хана и убитого, бросилась в крепостные ворота. Князь Эристов преследовал хана, осыпав его укоризнами за неслыханное злодейство. Хан и его велел пристрелить… Отряд с форштадта отступил в лагерь…»[62].

Гибель такого решительного и энергичного предводителя как П. Цицианов, явилась большим ударом в первую очередь для расположенного под стенами Баку русского отряда. Как отмечает Н. Дубровин «Происшествие под Баку, так печально окончившееся изменническим убийством князя Цицианова, поставило отряд, блокировавший эту крепость, в самое невыгодное положение… С тех самых стен, на которых должен был развеваться русский флаг, открыт был по нашим войскам сильный огонь, заставивший их отступить и расположиться неподалеку от города. Генерал-майор Завалишин, как старший, принял начальство; положение его, как начальника, было далеко незавидное. Простояв более месяца под крепостью и продовольствуясь половинною дачею, отряд был без лошадей, переполнен больными, стоял в снегу, без хлеба, без дров, без одежды и амуниции. По неимению достаточного количества лазаретных вещей, больные лежали на земле под покрышкою одних шинелей, в большинстве изодранных; у многих солдат не было белья. Жестокие вьюги, начавшиеся с 4-го февраля и продолжавшиеся попеременно то с дождем, то со снегом и морозами, развили болезни; много было обмороженных. В отряде было здоровых не более тысячи человек, из которых только треть в состоянии была владеть оружием; остальные были до такой степени слабы, что не могли быть употреблены в службу. Вода, годная для приготовления пищи, была под выстрелами крепости, так что войска принуждены были добывать ее из снега и в таком вижде употреблять в пищу и питье… Постоянный холод и метели все более и более изнуряли солдат, утомленных походом из Грузии, походом, при котором они должны были везти на себе большую часть тяжестей. Теперь все чины отряда были поставлены еще в худшее положение и принуждены драться за каждое полено, посылать отдельные отряды в соседние селения за дровами и нефтью»[63]

---

[62] *Броненский С.* Записки// Исторический вестник. № 8, 1889, С. 507–508.

[63] *Дубровин К* Указ. соч. Т. V. 1887, С. 1–2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.